

**Сборник газеты "Сибирь".
Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 Сборник газеты "Сибирь". Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
482 с.

ISBN 978-5-458-14559-6

Сборник газеты "Сибирь". Том 1. Издание редакции газеты Сибирь. 1876 год

ISBN 978-5-458-14559-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МАГИСТРЪ.

I.

Мирное житіе тальянскаго елїра.

Какъ хороша жизнь сельскихъ причтовъ, особенно гдѣ-нибудь вдали отъ большой дороги! Какая тишина, какое невозмутимое спокойствіе! Придетъ разъ въ годъ отецъ благочинный, употчуютъ его, ублагодворятъ елико возможно,—и опять на цѣлый годъ водворяется глубокой, ни чѣмъ не нарушаемый миръ. Все дышетъ здѣсь какою-то патріархальностью, все носитъ какой-то древній характеръ... Вотъ небольшая, почернѣвшая отъ времени церковь; обширная церковная ограда заросла высокою травой, изъ которой выглядываютъ тамъ и здѣсь деревенскіе мавзолеи, старыя, черныя домовища, представляющія собою въ миниатюрѣ цѣлую деревню. Въ оградѣ дружно пасутся овцы и телята, принадлежащія причту. А вотъ, тотчасъ за оградой и дома священнослужителей, стоящіе на—особицу и гордо выглядывающіе на неопрятныя крестьянскія избы, которыя, какъ бы стыдясь своего неряшества и низкаго происхожденія, раздѣлись на обѣ стороны и образовали большую площадь, пдущую прямо къ рѣкѣ... Тучныя свиньи, вдоволь наѣвшись мірскаго хлѣба и улегшись

*) Настоящія главы составляютъ первую часть романа. Онѣ написаны еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Болѣзнь автора и затѣмъ обстоятельства отвлекли его отъ занятій чисто литературныхъ, хотя и не совсѣмъ. Редакція надѣется, что изображаемая здѣсь сцена не потеряли и нынѣ своего интереса. Быть можетъ, со временемъ появятся и окончаніе романа.

подъ заборомъ, за солнышкомъ, лѣнливо поворачиваются съ боку на бокъ и задумчиво похрюкиваютъ. Множество куръ роется въ навозѣ, — и тутъ же, въ красненькихъ рубашенкахъ возится цѣлая куча ребятъ—поповскихъ, дьяконскихъ и пономарскихъ дѣтей.

Небольшая рѣчка, Еловка какая-нибудь, неторопясь катить мимо села свои желтоватые воды, а за ней, прямо противъ села, возвышается некрутая гора, на вершинѣ которой, изъ за рѣдкихъ кустовъ березняка выглядываютъ кресты деревенскихъ могилъ. Но, виноваты, эта рѣчка—вовсе не Еловка, и эта гора—не простая гора. Это потокъ Кедрскій, и гора—гора Елеонская, съ Геесиманіей. Такъ все въ глазахъ мирнаго сельскаго причта, постоянно вращающагося въ сферѣ библейскихъ событій, принимаетъ историческій, въ некоторомъ образѣ священный характеръ. Въ самомъ селѣ и людямъ и даже зданіямъ часто усвоивается какое-нибудь старинное названіе. Есть тамъ и благообразный Іосифъ—старый, сѣдой мельникъ, безвозмездно мелющій хлѣбъ на причтѣ; есть Марѳа и Марія—сестры лазаревы, двѣ одинокія, бойкія солдатки, которымъ всѣ молодые ребята деревни приходятся Лазарями и которымъ самъ о. Ефимъ всегда скажетъ, когда проходитъ мимо и онѣ съ лубавымъ смпреніемъ подходятъ къ нему подъ благословеніе:

— Ой, вы, Марѳа и Марія, сестры лазаревы!

Разговоры между духовенствомъ также почти всегда имѣютъ оттѣнокъ древности.

— Выхдемъ-ка, о. дьяконъ, въ Капернаумъ, говоритъ о. Ефимъ, выходя послѣ службы изъ церкви. И они величавыми шагами отправляются въ стоящій на самой площади домикъ съ надписью.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ, отче-святый, по красоулѣ, стомаха ради и частыхъ недуговъ! Идутъ и выпиваютъ на складчину.

Бываетъ иногда, что послѣ этого десница о. Ефима коснется шуйщи о. дьякона.

— Сокрушу зубы грѣшниковъ! говорятъ въ такомъ случаѣ о. Ефимъ.

— Нѣтъ, врешь, о. Ефимъ, возражаетъ дьяконъ. Не сокрушишь!

— Сокрушу! повторяетъ о. Ефимъ,—и сокрушаетъ.

— Ты что, о. Ефимъ, дерешься? Вздурѣлъ, что ли, продолжаетъ о. дьяконъ.

— Дуракъ ты, дуракъ, дьяконъ! Развѣ я тебя бью? Я-те не бью, а добру учу!...

Бываетъ также, что самъ, о. Ефимъ, «пріобщившись пріискренне», изобразитъ собою праведнаго Ноя въ виноградникѣ и его ведутъ, еле-можаху, подъ руки, ведутъ, а може не хоцеть... Но всѣ эти событія, облеченныя въ такую почтенную форму, ни мало не нарушаютъ патриархально-мирнаго теченія жизни.

Такою-то спокойною, счастливою жизнью наслаждался, между прочими членами причта Николаевской церкви села Тальянъ, нѣкій Михайло—пономарь, по прозванью Поповъ. Увы, проходятъ теперь эти добрыя, старыя времена! Прогрессъ шибко проникаетъ всюду. Библейскія названія замѣняются другими, взятыми изъ новѣйшей исторіи и литературы: являются «селифаны», «облупы» и «разувай». Завелась между причтами строгая субординація, утонченная вѣжливость и амбіція; пошли ссоры и кляузы, въ поживу «дивастеріямъ». Русское пугбе стало замѣняться заморскимъ и вмѣсто дружной, душеполезной бесѣды о домовыхъ, лѣшихъ и оборотняхъ, честные отцы дупятся въ ералашъ и стуколку, проигрывая еще нескошенное сѣно и недѣльные доходы изъ кружки.

II.

Михайло-пономарь.

Въ 1830 году стукнуло ровно двадцать лѣтъ, какъ Михайло-пономарь унаслѣдовалъ мѣсто родителя своего, тоже Михайла и тоже пономаря, при тальянской церкви. Вмѣстѣ съ должностію досталось ему и все имѣнье отца, состоявшее изъ дома, выстроеннаго старикомъ еще въ годы его молодости, двухъ старыхъ подрясниковъ, одного китайчатаго, другаго черно-илисоваго, отъ времени пожелтѣвшаго, одной старой коровы, одной телушки, да разнаго мелкаго, домашняго скарба. Домъ былъ дотога малъ, что двоимъ нельзя было въ немъ пошевелиться, не задѣвъ другъ друга; но этóму старый пономарь справедливо отвѣчалъ, когда при ревизіи, спросили его: отчего это у васъ, пономарей, всегда бываетъ много дѣтей? «эхъ, ваше пр—во, избенци у насъ маленькія,—и нехотѣлъ бы иной разъ, да невольню задѣнешь пономарицу!».

Чтобы получить все это наследство, Михайло долженъ былъ исключиться изъ духовнаго училища, гдѣ онъ преусиѣвалъ уже въ то время, будучи осьмнадцати лѣтъ, въ изученіи латинскихъ и греческихъ спряженій. Но перспектива независимой жизни и—главное—скорой женитьбы была, вѣрно, плѣнительнѣе спряженій, и Михайло безъ сожалѣнія оставилъ бурсу и отправился въ родныя Тальяны «донть колокола». По настоянію старухи-матери, непротивному и его собственнымъ желаніямъ, онъ въ тотъ же годъ обзавелся «бабой» и зажилъ ни шатко, ни валко, по-пономарскому. Парень онъ былъ здоровый, могучій; широтой плечъ онъ неуступалъ любому протодякону. Силаща у него съ молодости была такая, что онъ заразъ уносилъ домой изъ магазиновъ по четыре мѣшка руги: по одному положить на плеча и по мѣшку возметъ подъ мышки, и несетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! По этому не мудрено, что онъ пользовался почетомъ во всей деревнѣ и внушалъ даже нѣкоторый страхъ мужикамъ, которые, какъ извѣстно, съиздавна имѣютъ весьма предосудительную, впрочемъ, привычку, при всякомъ удобномъ случаѣ поднимать на-смѣхъ «жеребичью породу». Тальянскія лѣтописи рязсбазываютъ по поводу необыкновенной силы Михайло-пономаря много занимательныхъ случаевъ. Такъ, возвращаясь однажды ночью домой изъ гостей, подъ хмѣльбомъ, Михайло вздумалъ еще выпить «на свои» и отправился въ кабакъ. Цѣловальникъ съ цѣловальницей уже заперлись и, зная, что пономарь «во хмѣлю не спокоень», не хотѣли его впустить.

— А, разбойникъ, каналья, ты не хочешь меня пустить? Меня—Михайлу пономаря пустить не хочешь? Ладно, ладно! Такъ я же тебѣ удружу!

Михайло отправился на мельницу, чуть не за версту отъ кабака, принесъ оттуда жорновъ, лежавшій безъ употребленія и завалилъ имъ двери кабака.

— Сиди же ты у меня тутъ, подлець, и съ цѣловальницей своей шельмой. По мнѣ хоть... сидите! промолвляя нашъ сплъчь и отправился домой, утѣшенный тѣмъ, что отмстилъ цѣловальнику. На завтра цѣловальникъ долженъ былъ сзывать людей, чтобы оттащить отъ кабака жорновъ; четверо добрыхъ пьяницъ едва оттащили его отъ дверей.

При всей однако могучей силѣ Михайло-пономарь былъ страшный трусъ. Во-первыхъ, всякій разъ, какъ пономарицѣ наступало время

родить, Михайло, позвавъ бабушку Евтифьеву, самъ уходилъ почевать въ церковную палатку, гдѣ и пробивался до тѣхъ поръ, пока также Евтифьевна не приходила звать его домой, поздравляя съ новорожденнымъ. Тогда нашъ пономарь смиренно, точно провинившійся блудливый котъ, плелся домой и первое время велъ себя тише воды, ниже травы. Во вторыхъ, Михайло ужасно боялся воровъ. Чуть что-нибудь ночью стукнетъ на дворѣ, — корова ли вздумаетъ почесаться объ уголь или собака, лежа на крыльцѣ и тревожимая блохами, поцарапаетъ у себя ногою за ухомъ и произведетъ при этомъ учащенный стукъ, пономарь вскакиваетъ съ постели, чутко прислушивается и будить пономарицу.

— Мать, а, мать! Слушай-ка, кто-то какъ будто въ сѣняхъ ходитъ?

— Ну, кому тамъ ходить-то? Нѣту никого, отвѣчаетъ пономарица, которой вовсе не хочется вставать съ постели.

— Ой, нѣтъ, право, ходитъ! Не слышу я, что ли? Поди-ко ты посмотри, въ самомъ дѣлѣ!

Пonomарица, дѣлать нечего, встаетъ съ постели и идетъ въ сѣни. Михайло, выпустивъ ее, скорѣе запираетъ за собою двери на крючокъ и снова прелушшивается. Не случилось, чтобы серьезная опасность угрожала когда-нибудь пономарицѣ, потому что не на что было ворами и позариться у Михайла. Но выскочилъ ли бы онъ на улицу, если бы вдругъ на жену его кто-нибудь напалъ и она закричала бы лихимъ матомъ, — или бы онъ запрятался подъ кровать? вопросъ, за неизвѣнемъ фактовъ, остающійся нерѣшеннымъ.

Хозяйство у нашего пономаря какъ то вообще не спорилось: такъ ужъ, счастья ни въ чемъ не было! Съ молодю еще былъ у него и конишко, водились коровенки и овцы. Желая какъ можно больше выгодъ извлечь изъ своего маленькаго хозяйства — желаніе, согласитесь, очень естественное — Михайло придумалъ особый способъ извлекать эти выгоды. Хитеръ на выдумки былъ нашъ пономарь! Онъ разсуждалъ, что промѣнявши молодую лошадь на старую и взявши полштофа водки въ придачу, онъ не только ничего не проиграетъ, но будетъ еще въ большомъ выигрышѣ. Такъ онъ и дѣлалъ постоянно, пока, подымаясь, какъ онъ выражался, «на франсы — курансы», не домѣнялся до кнутика и не остался при одной коровѣ, и то потому, что корова составляла собственность пономарицы, ибо дана ей была еще теленкомъ въ приданое. Между тѣмъ эти «придачи»,

«наддачи», а также даровыя угощенья, поминки и прочія «франсы—бурансы» сильно поощрили въ Михайлѣ вкусъ къ хмѣльному. Онъ и никогда-то не былъ сильно охочъ до работы, а теперь и положительно все бросилъ. Теперь, если не начто ему выпить, онъ лежитъ растянувшись на лавкѣ и свѣсивъ возлиную бороду чуть не до полу. Лежить и мечтаетъ:

— А знаешь ли, мать, о чемъ я думаю?

— Ктожъ тебя знаетъ? Мало ли что вамъ, дуракамъ, лѣзетъ въ голову-то!

Михайло на этотъ разъ не обидится прозвищемъ, которое даетъ ему пономарица: сильная мысль шевелится у него въ головѣ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! пристааетъ онъ къ женѣ.

— Да поди-ты отъ меня! Досугъ мнѣ тутъ отгадывать!

— Я думаю, знаешь, вотъ что: что, если бы я вдругъ сто рублей нашель? Шель бы по улицѣ, да и нашель! что бы я съ ними сдѣлалъ? а?

— Извѣстно, что! безъ затрудненія отвѣтила жена. Пропилъ бы, да и только! Мало добренькаго-то было, да все смыло!

— Эка дура! Я, чтоли, это сдѣлалъ? Ты, вѣдь, все вотъ пародила угланять-то. А кто ихъ кормить? Не я, развѣ?

— Ну, много укормилъ! отвѣтитъ пономарица и порывисто начинаетъ продолжать свою работу.

— Эхъ, а важно бы было, продолжаетъ фантазировать Михайло Перво—дѣло купилъ бы себѣ рысага, кованку бы завелъ, сани газанспіе. Эхъ, разлюли, покатывалъ бы по гостямъ!

Или вдругъ, тоже наскучивъ молчаніемъ, царствующимъ въ избѣ, когда ребята уже заснуть и одно лишь веретено, спущенное рукою пономарицы, жужжить и вертится на полу, Михайло съ позволеніемъ обратится къ женѣ.

— А что, мать, вѣдь я, однако, у Терехи жеребенка-то куплю? Славный мереночъ будетъ!

Пономарица только отпикнется.

— Ой ужь! Не ты бы говорилъ, не я бы слушала. Купить онъ! А у самого—въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на пѣли. Тошно, право, слушать! Поди-га, лучше, наколи дрови-то!

— И сама наколешь, не велика барыня!

III.

Бачва-отецъ Ефимъ.

Чудный человекъ былъ о. Ефимъ! Какой веселый и разговорчивый! Тальянскіе мужики были просто безъ ума отъ него: ни одинъ штофъ вина не распивался у нихъ безъ о. Ефима. За то же и о. Ефимъ умѣлъ уважить своихъ прихожанъ: обращался съ ними запросто на «ты», любилъ кулигнуть съ ними порядкомъ, любилъ покалякать на заваленгѣ или за чарочкой.

Принтересно, бывало слушать, когда рассказываетъ, на примѣръ, о. Ефимъ, какъ ихъ съ Михайломъ-пономаремъ лѣшій водилъ.

— «Ѣхали мы, этга, съ престольнаго праздника изъ Таракашиной. Ѣдемъ, да покалякнваемъ о томъ, о семъ; а на дворѣ ночь, темень страшная—зги не видать; дорога лѣсомъ. Вдругъ телега наша задѣла за пень. А правитъ Михайло.—Вороти, говорю, вправо! Поворотилъ,—опять задѣло, ужъ за березу. Фу, ты, чортъ! Дорога, кажись, не узкая; какъ такъ? Взялъ я у пономаря возжи. Ворочу влѣво—пень; поворочу вправо—береза! Вылѣзли мы изъ телеги, давай шарить дорогу,—а дорога, какъ есть тутъ, и телега стоитъ на самой срединѣ—ни пня, ни березы никакихъ нѣтъ! Опять садимся и понужаемъ игренька. Игрений бросился впередъ—анъ, нѣтъ! Опять задѣло и—кракъ! Оборвалась подтяжка. «Ну, плохо дѣло, говорю я пономарю. Вылѣзай, братъ Михайло, опять! Снова вылѣзли: опять—дорога какъ дорога, телега на дорогѣ, а подтяжка лопнула! Чтожъ бы вы думали? Маялись, маялись мы, да такъ вѣдь и уснули. Утромъ, глядимъ: телега стоитъ на дорогѣ, а игренька приворотилъ не много къ березѣ и пошмыгиваетъ листья. Только хватъ, гдѣ-же наши шляпы? Глядимъ около себя—нѣту! Терять, кажись, не теряли. Глядимъ по сторонамъ—тамъ, сямъ; а шляпы наши висятъ на высокой—превысокой березѣ! Вотъ, братецъ ты мой, какъ онъ, подлець, подшучиваетъ!»

— «А то тоже вотъ, продолжаетъ о. Ефимъ, было со мной же. Я еще молодой былъ. Засидѣлся я какъ-то у Тимошина, у старика. Дѣло было зимой. Пошелъ я домой; поздно ужъ было. Только гляжу: что же это подъ ногами, точно гряды и снѣгъ такой глубокой? Смотрю—

съ одной стороны заборъ, и превысочайшій! Перескакиваю по бороздамъ, черезъ сугробъ на другую сторону—такой же заборъ. Какъ это, думаю-себѣ, угораздило меня въ огородъ-то попасть? Куда же теперь выльзти? А во дворѣ, слышу, собаки на-приступъ лаютъ. Знаю, и чьи собаки—Матренки Бугаевой! Закричать—пожалуй, выпустить собакъ—разорвутъ, стервы! Гляжу—у самаго забора—баня. Полѣзь я на баню; гляжу съ кровли—улица, какъ есть улица и насупротивъ дома. Подобралъ я ряску и—бухъ! съ угла прямо на улицу. Чтожъ бы вы думали, сдѣлалъ онъ, таку-его?.. Въмѣсто улицы—гляжу, я соскочилъ опять въ Матренкинъ огородъ. Я снова на баню—ну, улица, улица внизу, вижу ясненько!—Прягъ!—опять въ огородъ! Да такъ, братецъ мой, до утра вѣдь промаялся. Замерзъ, наконецъ, давай чураться, да креститься! Едва-то, едва выльзъ, да давай-Богъ ноги.—Хоть погрѣться дома; а тамъ въ заутрени надо. Тагая, вѣдь, распротонапалья!»

Мужики ахаютъ, хохочутъ и, трепля по плечу о. Ефима, прибавляютъ:

— Ну, ходокъ же ты былъ съ молодуту-то, о. Ефимъ!

— Гм! ухмыляется о. Ефимъ.

Съ другомъ нашимъ—Михайломъ пономаремъ о. Ефимъ былъ ласковъ и снисходителенъ. Оба они одну чашу пили: вмѣстѣ ихъ и лѣпшій водилъ, вмѣстѣ и цаловальникъ угощалъ. Въ церкви они вели себя за-всяко-просто, по домашнему. Поетъ, бывало, Михайло на клиросѣ, подперши рукою правую щеку, а самъ поглядываетъ въ окошечко. Вытягиваетъ онъ-себѣ самыя высокія ноты, выводитъ самыя диковинныя варіаціи. А прямо противъ церкви, на рѣкѣ дѣвки рубахи полощатъ. Михайло только-что поднялся на самую высокую ноту: хе-е-е... и вдругъ, совершенно неожиданно разражается восклицаніемъ:

— Ахъ ты, будь ты проклята, анаеема!

Потомъ сплюнувъ, вытеръ полдой бороду и продолжалъ пѣніе. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время бойкая дѣвка, Малашка, приподняла съ одного конца доску, на другомъ концѣ которой другая дѣвка, Евлашка, колотила рубахи. Доска опрокинулась въ воду и Евлаха, какъ-небывало, бухъ верхъ-тормашкой въ воду и давай бултыхаться, какъ утка... Впрочемъ, о Ефимъ при подобныхъ, ужъ очень соблазнительныхъ уклоненіяхъ отъ текста, выглядывалъ изъ алтара и строго замѣчалъ Михайлу:

— Эй, пономарь, заврался! Смотри у меня!

Съ своей приходской церковью Михайло до того освоился, что перенесъ туда изъ дому даже кое-какой домашній скарбъ. Разъ о. Ефимъ открылъ спрятанные между ризами сапоги съ онучами. Михайло, видите ли, купивши повше, козловые сапоги, предназначилъ ихъ для употребленія только на службѣ и не желая ихъ пачкать безъ надобности, приходилъ въ церковь въ своей обыкновенной обуви и тутъ ужъ переобувался. А чтобы трапезники не соблазнились, кой-грѣхъ, новенькими сапогами, онъ и замыкалъ ихъ въ ризничномъ шкафу, въ алтарѣ. О. Ефимъ строго замѣтилъ своему подчиненному все неприличіе подобнаго поведенія. Но нашъ пономарь отвѣчалъ:

— А ты-то самъ, о. Ефимъ, развѣ не пряталъ подъ престолъ деньги?

— Дуракъ! то деньги, а то сапоги! отвѣчалъ здраво о. Ефимъ и ужасно былъ сердатъ при этомъ.

Съ этими деньгами, надо сказать, случилась печальная исторія. Разъ приѣзжаетъ въ Тальяны о. благочинный. Все осмотрѣлъ, обривизовалъ. Ладно. Мимоходомъ заглянулъ онъ и подъ жертвенникъ и подъ престолъ: пыли, дескать, нѣтъ-ли? Ничего какъ будто не замѣтилъ. О. Ефимъ въ попыткахъ мечется, суетится: радъ-радешенекъ, что все найдено въ порядкѣ.

— Ну, о. Ефимъ, теперь къ вамъ! говоритъ благочинный. Чай матушка угостить насъ и водочкой и закусочкой.

А самъ все поглядываетъ по стѣнамъ, по карнизамъ: паутина, дескать, не развелась-ли у васъ?

— А я сейчасъ, ваше в-ніе, побѣгу впередъ. Пожалуйте, милости просимъ, не отриньте! вызывается о. Ефимъ.

— Идите, идите съ Богомъ, говоритъ благочинный. А мы тихонько приплетемся!

И пошутилъ еще: «мы вѣдь, говорить, старики, а вы помоложе: летите-ка!» И остался въ церкви. «Вы, говорить, трапезники, идите-ка насчетъ лошадей распорядитесь!» Лети и ты, пономарь! А я за вами!

Выпроводивъ всѣхъ, благочинный еще помѣшквалъ въ церкви и тихимъ шагомъ направился къ о. Ефиму. Угостили его, уложили въ экипажъ, проводили; ладно! Ну, послѣ благочиннаго извѣстно—отдыхъ! О. Ефимъ недѣли двѣ и въ церкви не бывалъ. А потомъ какъ сходилъ, такъ пришолъ самъ-несвой: блѣдный—лица-то на немъ нѣтъ! Шибко старикъ деньгу-то любилъ! Туда-сюда, трапезниковъ

за бока,—ничего, никакихъ свѣдѣвъ! Какъ стали трапезники все по порядку разсказывать, да на свѣтлую воду выводить,—испугался о. Ефимъ пуще прежняго, да поскорѣе самъ же и дѣло все потушилъ. Пришлось старику снова начинать копить денежку, и куда ужъ онъ сталъ ее прятать, Богъ его знаетъ!

Такъ-то поживали члены тальянскаго клира, когда Михайлу—пономарю Богъ далъ сына.

IV.

Первые шаги въ свѣтѣ.

О дѣтствѣ нашего героя сохранились лишь самыя скудныя свѣдѣнія, и то только благодаря услужливой памяти старухи Федосѣевны, сосѣдки пономаря, ухаживавшей за больною пономарицей. Пользуемся этимъ драгоценнымъ источникомъ и съ удовольствіемъ передаемъ читателямъ то, что сообщила намъ старая Федосѣевна. А сообщила она намъ только то, что герой нашъ родился въ банѣ, на полкѣ, въ самую что ни на есть великую субботу, что родился онъ черненькимъ и такимъ маленькимъ да худенькимъ, что онѣ съ бабушкой — повитухой положили его прямо подъ образа и, какъ только Михайло — пономарь воротится домой (читателю уже извѣстно, куда утекалъ въ это время нашъ другъ) хотѣли просить его стащить ребенка «на навозъ», да спасибо, пришла мать—попадья и шутя надъ старухами, купила у нихъ ребенка за грошь, примолвивъ, «вы поглядите, вѣдь это парень, да еще какой живущій-то будетъ!» Дѣлать нечего: окрестил ребенка, назвали Иваномъ. И вышелъ Иванъ Поповъ,—пономаренокъ. Попадьянъ грошь долго сохранялся у пономарницы на божничкѣ, но однажды пономарь, отправляясь въ «капернаумъ» стинулъ его оттуда, потому что именно одного гроша не доставало у него до четушки.

Мать-попадья не объявляла, впрочемъ, претензій на свою покупку. Да и завидовать было нечему; парнишка вышелъ ужасно—дрянной. Съ самаго рожденія на него навалились всевозможныя болѣзни, такъ что цѣлый годъ онъ представлялъ собою одну живую коросту. И до-